

Русские сменовеховцы

«Мы не боимся теперь сказать: “Идем в Каноссу!” Мы были неправы. Мы ошиблись. Не побоимся же открыто за себя и за других признать это».

«Домой! В Россию! С сознанием, что перестроить ее посветлее и попросторнее можно, только считаясь с главным строительным материалом — с народом»¹.

В этих двух коротеньких цитатах из сборника «Смена вех» выражается вся сущность всех статей этого сборника.

Авторы статей сборника, а равно и те заграничные эмигранты интеллигенты, которые стоят за ними, выступали врагами Советской власти, они не работали совместно с ней и боролись против нее. Теперь они сознают свои ошибки, «каются» в своих грехах и призывают всех других русских эмигрантов к тому же сознанию.

Движение, начатое за границей сменовеховцами, перекинулось и в Россию. И здесь большинство интеллигенции если и не решалось прямо вступить в борьбу против Советской власти, то во всяком случае смотрело враждебно на нее, в начале революции бойкотировало эту власть, саботировало ее работу, и если и сотрудничало, то из соображений почти исключительно пайковых. Есть поэтому в чем «каяться» и той части русской интеллигенции, которая осталась на родине, и вполне естественно, что движение сменовеховства перекинулось из-за границы в Россию. И здесь оно должно было сказаться с не меньшей яркостью.

Первое проявление этого движения мы видим в вышедшем на-днях в Петербурге первом номере «общественно-литературного и научного» ежемесячного журнала «Новая Россия».

В первой статье² журнала редакция его так определяет характер и задачи нового органа:

«Старая (идеология) сгорела в огне революции, испепелилась, рассыпалась прахом. Не устояли ни старые идеологии, ни старые программы, ни старые партийные деления, ни старая тактика. Все были у власти и все обанкротились, ибо все доньше действовавшие общественные силы были повинны в грехе догматизма, оторванности от народа, от подлинной жизненной действительности... Надо подвергнуть решительному пересмотру все старые понятия, все идейные и этические предпосылки нашего интеллигентского мирозерцания»...

«Новая Россия» будет стремиться стать идейным органом этой интеллигенции, почерпающей силы от свежей и буйной народной

целины. Для этой жизненно-формирующейся новой общественности журнал будет формировать новую идеологию» (стр. 3).

В другой редакционной заметке мы читаем:

«Наш журнал стремится стать органом творчески ищущей интеллигентской мысли, которая в плоскости, лишенной страстей политической злободневности, попытается спокойно, исторически осмыслить пережитое, уяснить себе поучительные уроки и предубаждения революции, сделать из них соответствующие выводы» (стр. 57)³.

Как видно из этих цитат, «Новая Россия» ставит себе те же задачи, которые за границей ставят сборник и журнал сменовеховцев. Но, как мы увидим ниже, в выполнении этих задач русский журнал значительно отстает от своего заграничного собрата.

Заграничные сменовеховцы прекрасно поняли, что нельзя было делать революцию иначе, чем она делалась в России. Они вполне, без оговорок оправдывают ее режим диктатуры; они решительно заявляют, что «равноправие граждан» при парламентском режиме, которое обещали вожди буржуазных партий, есть только «глубокое лицемерие». Вместе с народом они «отвергают с иронией всю пышную либеральную идеологию правового государства, украшенную роскошной живописью лучших интеллигентских умов». «Все эти свободы хороши, — говорят они, — но текли только по усам народа, не попадая в его рот». «Русская социальная революция, — писал Бобрищев-Пушкин, — обнаружила изумительно бережное и трогательное отношение к художественным ценностям». «Советская власть была вынуждена на суровую диктатуру», — пишет тот же Бобрищев-Пушкин в другом месте.

Перегоревши лично в огне контрреволюции, заграничные сменовеховцы ясно поняли всю призрачность и обманчивость «пышной либеральной идеологии правового государства» со всем ее штабом свобод.

Вот, например, как С. Адрианов в статье: «Третья Россия»⁴ характеризует деятельность революции:

«Ее метод таков: лучше загубить десять невинных, чем пропустить одного виновного, лучше растоптать миллион ценностей, чем оставить один вредный росток. И как безжалостно топтала она»...

И это говорится про русскую революцию, которая держала в своих руках тысячи глубоко скомпрометированных контрреволюционеров и выпустила их на волю, десятки тысяч офицеров белогвардейских армий и также выпустила их⁵. Авторы сборника «Смена вех» говорят, что русская интеллигенция своей борьбой против Советской власти сама вынудила последнюю на суровую диктатуру.

«Для такого дела непригодна была наша интеллигенция, гуманная, умственно-аристократическая, слабовольная» (стр. 5). Редакция

«Новой России» как будто ничего не знает о страшных разрушениях, произведенных корниловскими, деникинскими и всякими другими добровольцами, состоявшими из офицеров, студентов и прочих интеллигентов. Много иллюстраций такой «гуманности» можно найти в книжках Г. Раковского⁶, Романа Гуля («Ледяной поход»⁷), В. Шульгина («1920-й год»⁸) и во многих других.

«Ведь не за банкира же и помещика, не за мясника и домовладельца заступался, в самом деле, рядовой русский интеллигент, идя на саботаж Советской власти», — пишет далее все тот же автор — С. Адрианов.

Увы! именно за них. Русская революция — это борьба эксплуатируемых против эксплуататоров. Контрреволюция — это лагерь эксплуататоров-помещиков и буржуазии. Русская интеллигенция, борясь против Советской власти, ушла в лагерь контрреволюции. Какие бы знамена ни выставляла она в этой работе, объективно она боролась «за банкира, помещика, мясника и домовладельца». Этого слова из песни не выкинешь.

Я уже указывал выше, как иронически относятся заграничные сменовеховцы ко всяким конституционным свободам, которые «текут по усам народа, не попадая в его рот». Авторы и редакция «Новой России» далеко не потеряли веры в эти фетиши. Они полны тоски по этим конституционным свободам. Вопрос о пользе и необходимости пролетарской диктатуры в настоящий момент, когда оживает старый эксплуататор народа — буржуазия, даже не ставится ими.

«После четырех лет гробового молчания ныне выходит в свет первый беспартийный публицистический орган». Так начинается первая редакционная статья. Редакция считает свой голос нелицеприятным. Но за время революции звучали другие голоса, — голоса власти, которую русский трудовой народ признавал за свою, родную власть, которой он поручил защиту своих интересов в важнейший период истории, когда закладываются основы нового порядка во время революции. Выходит, как будто, что это были «лицеприятные» голоса. Немного же поняла в революции редакция «Новой России».

<...>

В первой редакционной статье журнала мы читаем:

«Первейшей своей задачей “Новая Россия” ставит дать проекцию новой России в литературном воплощении». Как же выполняет журнал эту задачу? Какой ему рисуется новая Россия? В первой редакционной статье мы находим по этому вопросу только туманные общие фразы. «Построение новой России должно совершиться на определенной основе и определенными силами. Основа эта не может быть иной, как революционная. Свершилась великая революция, выкорчевала старые

гнилые балки и, полуразрушив верхний фасад дома, подвела под него железо-бетонный фундамент. Дом выглядит сейчас неприглядно, но просмотреть новую могучую социально государственную основу могут лишь слепцы. Строительство идет и пойдет на новых началах, но новых не абсолютно... Здоровые корни нового сплетаются с здоровыми корнями прошлого... На синтезе революционной новизны и дореволюционной старины строится и будет строиться новая, пореволюционная Россия.

Хоть автор и любит модное словечко «определенный», но никакой определенности в его мыслях здесь не найдете.

В статье С. Адрианова «Третья Россия» (первой была дореволюционная, второй революционная, Россия диктатуры пролетариата) читаем:

«Новая база государственности обозначилась уже с полной отчетливостью. Это — крестьянство... Все это, конечно, далеко от коммунизма, но совсем не похоже и на дореволюционное положение деревни, нищей и беззащитной... Противовесом ей должен послужить городской пролетариат, как элемент более восприимчивый к культуре». О том, как сложатся отношения между ними, ни слова. И здесь определенности не много.

В экономической области «предполагается, по-видимому, образовать единый, мощный, международный синдикат, который получит монополию на экономическое восстановление России. Но и государство останется рядом с ним хозяином ряда крупных предприятий и даже целых отраслей производства. Как сложатся отношения между этими двумя хозяевами, что получится в итоге в области политической и социальной, гадать рано».

То, что существует в настоящее время в России, конечно, не социализм, а тем паче не коммунизм. Это только переходный период от капитализма к социализму. Идет ожесточенная борьба между ними. Чем кончится эта борьба? Журнал, который обещает «дать проекцию новой России», который стремится стать идейным органом новой интеллигенции, не может уклониться от этого важного вопроса. А в ответ он преподносит общие места, подобные вышеприведенным. Вряд ли такие ответы удовлетворят какого-нибудь читателя.

Но советская власть прочно утвердилась в России. У нее нет соперников. Поэтому относительно власти в будущей России ответ журнала звучит более определенно:

«Революция взбудоражила до дна несметные темные низы, и в городе, и в деревне воззвала их к политическому и гражданскому сознанию. Это не может пройти даром. Впредь государственной власти уже не построить на подавлении воли масс, на возвращении народа к нерассуждающей покорности... Теперь власти придется почерпать свою силу в росте гражданственности масс, опираясь на их активное

участие в государственном строительстве. Этому условию не удовлетворяют обветшавшие формы западного конституционализма».

«Революция далее подвергла строгому практическому испытанию всех претендентов на власть и признала пригодной только небольшую, но железно организованную группу большевиков».

Дело, по-видимому, идет хорошо. «Хорошо да не очень». Несколько дальше в той же статье мы читаем:

«Понять — это вовсе не значит возлюбить советскую власть и воспевать ей дифирамбы... У всякой власти прорех достаточно, а у нашей наипаче... Мириться со всем этим невозможно и с государственной точки зрения преступно. Но все-таки у новой власти есть здоровый стержень. И все-таки ничего кроме нее не сумела выдвинуть страна, расквитавшись со старым режимом».

С одной стороны... с другой стороны... А вот конечный вывод:

«Идет Россия, не коммунистическая и не белогвардейская, а подлинная Россия третьего периода, которая уже более ста лет искала своих путей, но постоянно наталкивалась на глухую стену старого режима. Теперь революция взорвала эту стену, и дорога открыта».

Нельзя сказать, чтобы взгляды редакции нового журнала и здесь отличались большой ясностью и определенностью.

Заграничные сменовеховцы не отделались еще от наследия славянофильства. Это — их слабый пункт. В этом отношении от них не отстают и редакция «Новой России». С. Адрианов с большим сочувствием цитирует слова Герцена:

«Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование. Мы имели бы право считать Россию зерном кристаллизации... если бы петербургское правительство сколько-нибудь догадывалось о своем национальном призвании»⁹.*

Приведя эту цитату, С. Адрианов прибавляет:

«Мы отделались от петербургского правительства... Путь к всеславянскому союзу открыт».

Весь Интернационал сводится к «всеславянскому союзу». А вот окончание статьи С. Адрианова:

«Что это? Третий Рим или третий Интернационал? Ни то и ни другое. Третья Россия. Какое имя соизволит она на себя возложить, никто еще не знает».

И в этом пункте вместо ясности и определенности один славянофильский туман.

* Курсив мой. — Н. М.

* * *

В журнале есть и «дискуссионный отдел». В нем мы находим только одну статью — статью заграничного сменовеховца проф. С. С. Лукьянова¹⁰. Статья эта очень интересна. Приведем из нее несколько выписок:

«Замедлившийся приход мировой революции заставил вождей русской революции отложить осуществление своей основной задачи — борьбу с мировым социальным злом, устремив все свое внимание на борьбу с язвами русской социальной и экономической жизни — на примирение крестьян и рабочих. Но отсрочка не значит отказ. И что в данном случае была именно отсрочка, отражается на новом экономическом строительстве в России, с непререкаемой ясностью выступает во внешней политике советской власти».

Итак, по мнению С. Лукьянова, новая экономическая политика, политика уступок буржуазии есть только отсрочка в осуществлении социалистических задач. Это особенно ясно во внешней политике, которая направлена в сторону мировой революции. Это куда более ясно и определено, чем суетня около новой экономической политики редакции «Новой России».

А дальше С. Лукьянов говорит еще определеннее:

«Ошибочно отдельные мероприятия новой экономической политики истолковываются, как восстановление полностью частной собственности. На деле же революционный принцип сохранен: собственником продолжает быть государство, но оно передает принадлежащее по праву ему одному имущество в пользование частным физическим или юридическим лицам, которые, как в управлении этим государственным имуществом, так и в извлечении из него выгод, ответственны перед государством».

Переживаемый нами исторический период некоторые по слову сменовеховца Устрялова называют советским, коммунистическим «термидором», добровольным самоустранением коммунизма. С. Лукьянов иначе смотрит на дело.

«В сознании капиталистических стран образовался опасный для старого мира надлом: допущена возможность «организации собственности» на иных началах, кроме частно-капиталистических. Дело времени... этот надлом, этот «буржуазный термидор» расширить и закрепить в качестве исходной точки нового экономического и социального развития». Итак, «термидор» — это неизбежная судьба не коммунистов, а буржуазии.

А вот взгляды С. Лукьянова на внешнюю политику Советской России:

«Октябрьская революция, как явление национальное, создала культурные, экономические и социальные условия великого национального возрождения. В нем однако есть элементы — и при том чрезвычайно значительные, — которые выходят далеко за пределы национального. Это, во-первых, новое понимание «права собственности», во-вторых, новое разрешение международной проблемы в направлении *единого мирового союза всех трудящихся*».

«Единый мировой союз всех трудящихся», — пишет Лукьянов. А редакция «Новой России» все еще живет старыми традициями о всеславянском союзе.

Приведу еще одну, последнюю цитату из статьи С. Лукьянова:

«Если бы русской революции суждено было иметь своего Наполеона, — а он возможен, *но лишь воплощенным в мировой социальной революции* (другими словами “Наполеон” будет не лицо, а сама мировая социальная революция. — Н. М.), — то в результате завоевания им Европы все вертикальные* перегородки были бы уничтожены, и единое мировое государство трудящихся из области грез перешло бы в действительность.

«Но и без “русского Наполеона”, хотя бы и в образе Мировой Революции, русский опыт федерирования по мере неизбежного приближения социально-экономических основ европейской жизни к основам русским, эволюционно, с непрекаемостью равномерно-ускоренного движения, приведет к тому же — к европейской, а затем и к мировой *Советской республике*».

«Мировое государство трудящихся», «мировая Советская республика» — вот что ожидает нас в будущем по мнению С. Лукьянова. А редакция «Новой России» *бормочет что-то о какой-то «третьей России»*.

Немудрено, что статья С. Лукьянова выделена из ряда других в «дискуссионный отдел». Она красиво выделяется своей яркостью из ряда других программных статей «Новой России»**. Яркий «оригинал» приходится предпочесть тусклым «спискам».

* По терминологии С. Лукьянова «вертикальные» означает здесь национальные.

** В журнале есть две информационные статьи (Ю. Фаусека и Профессора¹¹) о современном студенчестве. Эти две статьи очень интересны.